

Долго шли по улице и наконец-то зашли в маленький с низкими оконцами деревянный дом. В доме пахло вареной картошкой, хлебным квасом и затхлостью подгнившей древесины. Дом был разделен на две половинки шторкой, образуя две небольшие комнатухи. В дальней комнатухе у окна стояла кровать, рядом деревянный со спинкой стул. В этой комнате жил Николай, а в другой жила хозяйка дома — семидесятилетняя Анна Тарасовна. Она находилась дома и, увидев вошедшего Николая с незнакомой ей девушкой, вышла им навстречу.

— Баба Нюр, это Софья,— с порога произнес Николай, указывая на Софью.— Она пока поживет на моей половинке,— тоном, не терпящим возражения, продолжил он.

Баба Нюра, маленького роста старушка со сморщенным лицом, покивала головой.

— А мне-то что, пушай житье. Сам-то спать с ею будешь ай нет? — спросила она, пожевав губами.

— Я пока в сенцах посплю,— подумав несколько секунд, ответил Николай и повернулся к Софье.

— Я у бабы Нюры на квартире стою, так что вы, Софья, особливо ни о чем не переживайте, живите тут сколь нужно. А как мы Елец у белых отобьем, так вы сразу и уедете к своему дяде,— сказал Николай.

Увидев пришедшего Николая, Анна Тарасовна засобиралась.

— Куда ты, баба Нюр, собралась? — спросил тот у нее.

— Пойду к суседке схожу, у ей и заночую нынче, а ты ложись на мою постелю, неча в сенцах спать, чай не скотина ты.

— Опять на картах гадать будете?

— А чего же нам? Можя, и погадаем малость.

— Гадание — это, баба Нюр, все поповские предрассудки,— нахмутив брови, проговорил Николай, но Анна Тарасовна только улыбнулась его словам. Она постояла какое-то время у двери, пожевала губами и вышла из дома. Николай и Софья остались вдвоем.

После ухода Анны Тарасовны Николай молчал, и молчание то затянулось.

— А церковь, между прочим, тоже не поощряет гадания, считает это грехом,— наконец-то первой заговорила Софья.

— А? Что? Какая церковь? Вы это о чем говорите? — не понял Николай.

— Вы сказали, что гадание — это поповские предрассудки...

— А вы что же, не согласны со мною? Считаете, что гадание это не предрассудки?

— Я согласна с вами, Николай, что гадание — это предрассудки, но не поповские.

— А чьи же тогда?

— Церковь, она тоже против всякого гадания и считает гадание — грехом, идущим от лукавого.

— Вы, Софья, прямо, как моя маманя рассуждаете, — улыбнулся Николай. — Она тоже всегда гово-

рила про грехи и про лукавого. Я-то ее особенно не слушал, а вот Акимка тот, бывало, любил ее послушать... — Вспомнив о погибшем брате, Николай замолчал, его глаза повлажнели, и он отвернулся от Софьи. — Идите, Софья, ложитесь спать. Шторку занавесьте и не переживайте, я в вашу половину не пойду, — сказал он.

Софье не хотелось уходить от Николая, ей хотелось еще поговорить с ним, но послушаться она его не могла, а потому поднялась со стула и пошла в выделенную ей половину дома.

— Спокойно ночи, — пожелала она ему, но тот не ответил ей.

В эту ночь ей долго не спалось. Она слышала, как Николай еще какое-то время ходил по дому взад и вперед, как разбирал постель, затем задул лампу, и за шторкой стало темно, услышала, как он впотьмах лег в постель, вздыхал какое-то время, а потом наступила тишина. Спал ли Николай или не спал, Софья не знала, но догадывалась, что он тоже, как и она, не спал. Незаметно для себя она провалилась в сон, но сон ее был неглубоким и чутким. Она то и дело просыпалась, вновь пытаюсь уснуть, ворочалась с боку на бок, переживала от навалившегося на нее тревожного чувства, наконец, проснулась окончательно. В комнате было блекло от лунного света и тихо. За шторкой в другой половине избы во сне сопел Николай. Софья лежала с открытыми глазами и глядела в окно. Вдруг она услышала, как за окном что-то хрустнуло, словно сломали ветку дерева, и в тот же миг Софья отчетливо увидела в оконном проеме заслонившие лунный свет две мужские фигуры, причем одна фигура была высокая, а другая — низкорослая. Фигуры подняли к лохматым головам руки, приставили их ко лбу козырьком и начали пристально всматриваться в глубину избы. Софья сразу узнала своих грабителей, и ее охватил ужас. Не помня себя от страха, она закричала что было силы. Фигуры моментально исчезли, а на ее крик проснулся Николай. Он вскочил с кровати и опрометью бросился к кричавшей Софье, с силой сдернул шторы. Софья сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка, и продолжала кричать.

— Там... там за окном... они... те самые разбойники, что отняли у меня деньги и перстень... они там... за окном... — наконец-то выговорила она, указывая рукой в сторону окна.

Николай бросился на свою половину избы, где у него на кровати спинке висел ремень, выхватил из висевшей на ремне кобуры револьвер и в одном нижнем белье выбежал из дома. На улице заливалась лаем хозяйская собака, ее лай подхватили собаки соседних дворов, и в тот же миг вся улица наполнилась собачьим разноголосьем. У окна никого не было, и Николай вернулся в избу. Лампу зажигать не стал, в темноте убрал револьвер, подошел к Софье, та продолжала плакать.

— Николай, они там за окном, я их видела, наверное, они хотят меня убить, я их очень боюсь, — захлебываясь слезами, тараторила Софья. — Николай, защити меня от них, — попросила она.

— Нет там никого, тебе, наверно, показалось, — произнес Николай, бросая взгляд на бледно-лунный свет в проеме окна. — Спи и не бойся никого, я рядом, — сказал он и попытался задернуть шторы, но Софья не дала ему это сделать. Она вскочила с кровати и бросилась к Николаю, дрожа всем телом, прижалась к нему, со страхом взирая на окно.

— Коленька, миленький, они там, не оставляй меня одну, прошу тебя, спаси меня от них, они меня хотят убить! — кричала она, от страха трепеща всем телом и называя Николая уменьшительно-ласкательным именем.

Тот растерялся. Не зная, как нужно поступить в сложившейся ситуации, он машинально поднял руки на уровне груди и прижал Софью к себе.

— Хорошо, хорошо, я никуда не уйду, не плачь только, — проговорил он, тоже перейдя на «ты».

Незаметно для себя они присели на кровать. Продолжая плакать и трястись, Софья еще сильнее прижалась к Николаю, и ему в этот момент вдруг стало жалко Софью. Жалко до такой степени, что он, не ожидая от себя самого подобных действий, прижал ее к себе и, успокаивая, начал гладить ей волосы, лицо, шею, коснулся плеча ее и, словно боясь раздавить его, нежно провел по нему ладонью. Ощувив в своих объятиях горячее и трепещущее тело Софьи, уловив тонкий запах ее тела, ее волос, у Николая откуда-то из глубины души возникло чувство то ли жалости, то ли сострадания, то ли еще чего-то таинственного, неизведанного им доселе и влекущего к ней. Это чувство Николаю вскружило голову, забило молоточками в висках, сдавило горло и залихорадило тело. Оно заставляло прикоснуться к сокрытому, запретному и таинственному.

— Не плачь, Софья, и не бойся никого, я не дам тебя в обиду, я буду всегда рядом с тобою, — прерывисто и тяжело дыша, тихим голосом сказал он и еще крепче прижал Софью к себе.

Та успокоилась, перестала всхлипывать и, находясь в объятиях Николая, тоже почувствовала изменение своего душевного состояния. Ей уже не хотелось утешать Николая, как когда-то ей хотелось это сделать при первой их встрече на вокзале. Сейчас, напуганная до полусмерти, она увидела другого Николая, не плачущего из-за погибшего брата и вытирающего слезы, а — большого, сильного и смелого, готового в любую минуту прийти к ней на помощь и защитить ее не только от разбойников, но и от всех других жизненных невзгод. А потому, ощущая у своего уха его тяжелое и хриплое дыхание, слыша его тихий, словно колдовством обволакивающий ее сознание голос, ощущая на своем теле его руки, ей захотелось еще сильнее прижаться к нему, чтобы просить у него защиты и помощи. Просить его вырвать из ее души все пережитые ею за эти дни горести и печали, и поселить в ее сердце успокоение и веру, надежду и любовь. Будучи в объятиях Николая, Софья продолжала дрожать всем телом, но дрожала она уже не от страха, а от других, нахлынувших на нее и заставивших трепетать ее душу и сердце чувств.

— Ты не бросишь меня? — шепотом спросила она.

— Нет, я буду всегда рядом с тобою,— также шепотом ответил он ей. В темноте при разговоре они почувствовали тяжелое и горячее дыхание друг друга и соприкоснулись губами.

Ночь была спокойной, безветренной. В Ефремовских садах уже созрели яблоки. Налившиеся соком, они отрывались от яблонь и, прошелестев по листьям веток, падали к подножиям деревьев, а падая, лопались, обдавая округу своими ароматными запахами. Собаки уже уgomонились. Они улеглись возле своих будок на прохладной земле и, высунув из пастей языки и часто дыша, спали одним глазом, другим не переставая охранять хозяйские территории. В росистых травах пели свои ночные серенады сверчки, было тихо, город спал. И в этой тишине Николаю и Софье стало казаться, что во всей Вселенной они остались вдвоем, что во всем белом свете никого нет и ничего не существует, и их священнодействию никто и ничто не сможет помешать; да и не было в этот момент той силы, способной помешать им, и лишь одна бессовестно заглядывающая в небольшое окошко бледноликая луна стала свидетельницей их сокровенной тайны — тайны соединения двух молодых и горячих сердец.

Время пролетело незаметно. Не успели и глаз сомкнуть, как на востоке уже занялась заря. Николай едва задремал под утро, но тут же встрепенулся, встал с кровати, взглянул на Софью. Она лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него.

— Выходит дело, мы с тобою теперь вроде как муж и жена? — спросил он, и Софья слегка смутилась от сказанного им. И в тот же миг приподнялась на кровати и, обняв Николая, притянула его к себе.— Пусти, Софья... ну не дури, слышишь? Пусти, мне некогда, мы нынче выходим в поход на Елец,— заговорил Николай, освобождаясь от объятий Софьи.

— Коля, а нельзя тебе остаться и не ходить в этот поход? — спросила она, освобождая Николая из своих объятий и поднимаясь с кровати.

— Нельзя. Я же командир, а потом, ты же знаешь... я должен отомстить за Акимку,— ответил ей Николай, тоже поднимаясь с кровати.

— Будь осторожным, прошу тебя.

— Не волнуйся за меня. Вышибем белых гадов, и я вернусь.

— Я буду ждать тебя.

— Не провожай меня,— приказал Николай, выйдя за порог, Софья остановилась. Николай развернулся, обнял ее за плечи и притянул к себе. Они поцеловались.

Через два часа из Ефремова вышел сводный в несколько сотен штыков, вооруженный ружьями и пулеметами, конно-пеший отряд красноармейцев. Поднимая сапогами, ботинками и конскими копытами еще дремавшую дорожную пыль, он направился вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Бабарькино...